

Сергей Арцибашев:

КОВАРНОЕ СВОЙСТВО БУДУЩЕГО

Сегодня театр сползает в сферу развлечений. А мне кажется, что в эпоху безверья, отсутствия ценностных шкал, удалого цинизма и тотальной иронии важно быть серьезным. Всерьез относиться к своему делу, к театру как общественному институту — и тем, кто в нем работает, и тем, кому должно о нем заботиться. Меня тревожит склонность все поднять на смех, истощающая ирония по отношению к истинам, добытым с великим трудом. Например, к той же системе Станиславского, нашему фундаменту, который многие полагают устаревшим, даже архаичным. Кстати, такое пренебрежение у нас встречается чаще, чем за границей, — там больше желания понять. Во Франции, где я веду мастер-класс, ко мне тоже приходили разного рода новаторы, но когда я, не считающий себя идеальным истолкователем системы, рассказывал им о ней, занимался с ними — они открывали для себя отнюдь не сухую теорию. Как говорил Кокто, человек весьма ироничный, существует все же «священная серьезность игры» при легкости и блеске забавы, каковой кажется театр для зрителя. Гоголевское определение театра как кафедр, каким бы наивно-школьным оно ни казалось, отбрасывать вряд ли стоит.

В России разрушительная насмешка усугубляется общим состоянием страны, пренебрежением к культуре и театру, ощущением их безнадежной заброшенности. Мы вынуждены выживать, бесконечно искать, как и где достать деньги, отчего и репертуар строится под знаком привлечения публики любой ценой. Художественные достоинства откладываются «на потом» — вот что обидно. А ведь у будущего есть коварное свойство — оно быстро становится настоящим.

В моем Театре на Покровке мы начинали с программы, можно сказать, перпендикулярной тогдашнему театральному процессу. Шесть лет назад был очень популярен театр политики, театр улицы, полно было «разоблачительных» постановок, царствовали скандалы, эпатаж, секс на сцене и т.п. Мы же упорно работали над классикой, ставили современных малонеизвестных авторов. Да еще мы стали первым в столи-

це контрактным театром. Да еще искали нестандартные взаимосвязи с публикой. Первоначально в нашем названии даже было словечко «экспериментальный».

Расчет оказался верным по всем пунктам. В первый же год мы поставили одну из основных пьес русского репертуара «Три сестры». А теперь у нас в афише Островский и Гоголь, Тургенев и авторы Серебряного века, сейчас выпускаем «Гамлета». Мы угадали — интерес к классике возродился. Так что Государственная премия 1996 года «за постановку классики» — оценка не только моего труда, но и усилий всего театра.

Контрактная система теперь стала реальностью, уже не пугает. Многие, как и мы, поняли, что, ужесточив обязательства с обеих сторон, она не отнимает у нас право выбора.

У нас разная публика — от школьников до посетителей самых престижных фестивалей. Мы начинали играть в зале на сорок мест, теперь их у нас сто, пытаемся работать и в больших залах. «Женитьба», где я собрал артистов из разных театров, идет и в камерном пространстве, и в огромном, почти на тысячу мест, что существенно расширяет наши возможности. В малом зале, интимном, почти домашнем, мы обрели тесный контакт с аудиторией, в игру вовлечен каждый. С другой стороны, мы от своих зрителей слышим: ах, как жаль, что этого не могут увидеть многие. Еще в 1993 году, на фестивале в Мюнхене Питер Брук говорил, что главная проблема для театра — способ разговора с публикой. И сегодня для меня это один из кардинальных вопросов — при том же тесном общении, сохранив то, что найдено нами в узком кругу, добиться взаимодействия с большой массой зрителей. С «Женитьбой» это удалось — энергия и чувства доходят, реакция и отклики те же.

Еще одна сложность сегодняшней жизни. Я постановщик, мое место в зале, а я должен заниматься множеством иных вещей. Я режиссер, а не организатор рекламы и успеха, делаю это плохо, но делать приходится. Страдают при этом актеры: в нашем театре они мастера, им аплодировали и в ближнем и в дальнем зарубежье, не говоря уже о своей стране, но они не пользуются статусом звезд и не мелькают на кино- и телеэкранах. А может быть, это и не так плохо. Популярный актер хорошо оснащен технически, у него шире кругозор, больше опыта, но подчас он торопится, халтурит, подменяет живое чувство техникой — и в конце концов оказывается пустым. А русский театр всегда был силен живым человеком на сцене. Сегодня мне особенно интересно сосредоточиться на внутренней жизни не только персонажа, но и актера-личности. Личностного начала, по-моему, сейчас на сцене не достает. Но без этого нечего и мечтать вернуть себе «любовь пространства», вновь сделать театр властителем дум.

Москва

Театральная газ. - 1997. - 21 окт. - с. 1.